

Цифра и шелк. Перспективы Евразийского союза

Центр социального проектирования «Платформа» совместно с Avelamedia, Российской ассоциацией по связям с общественностью (РАСО) и «Радио Коминтерна» (@voice_of_eurasia) представляют экспертный доклад посвященный проблемам и перспективам евразийской интеграции.

Исследование проводилось в два этапа: мониторинг СМИ стран ЕАЭС (2015 – 2017) и экспертный анализ полученных материалов для соотнесения их с реальным положением дел.

На экспертном этапе использовались собственные компетенции «Платформы» и комментарии привлеченных экспертов:

Силаев Николай Юрьевич,
старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО.

Кузьмина Елена Михайловна,
кандидат политических наук заведующая сектором Беларуси, Молдовы и Украины, сотрудник подразделения Центр постсоветских исследований ИМЭМО, работала ученым секретарем диссертационного совета «Мировая экономика» при институте экономики РАН.

Лисоволик Ярослав Дмитриевич,
главный экономист Евразийского банка развития.

Выводы

1

Евразийская интеграция столкнулась с ограничениями, как внутренними («два ядра»), так и внешними (санкционное давление на Россию, альтернативные варианты партнерства, в том числе в рамках Шелкового пути).

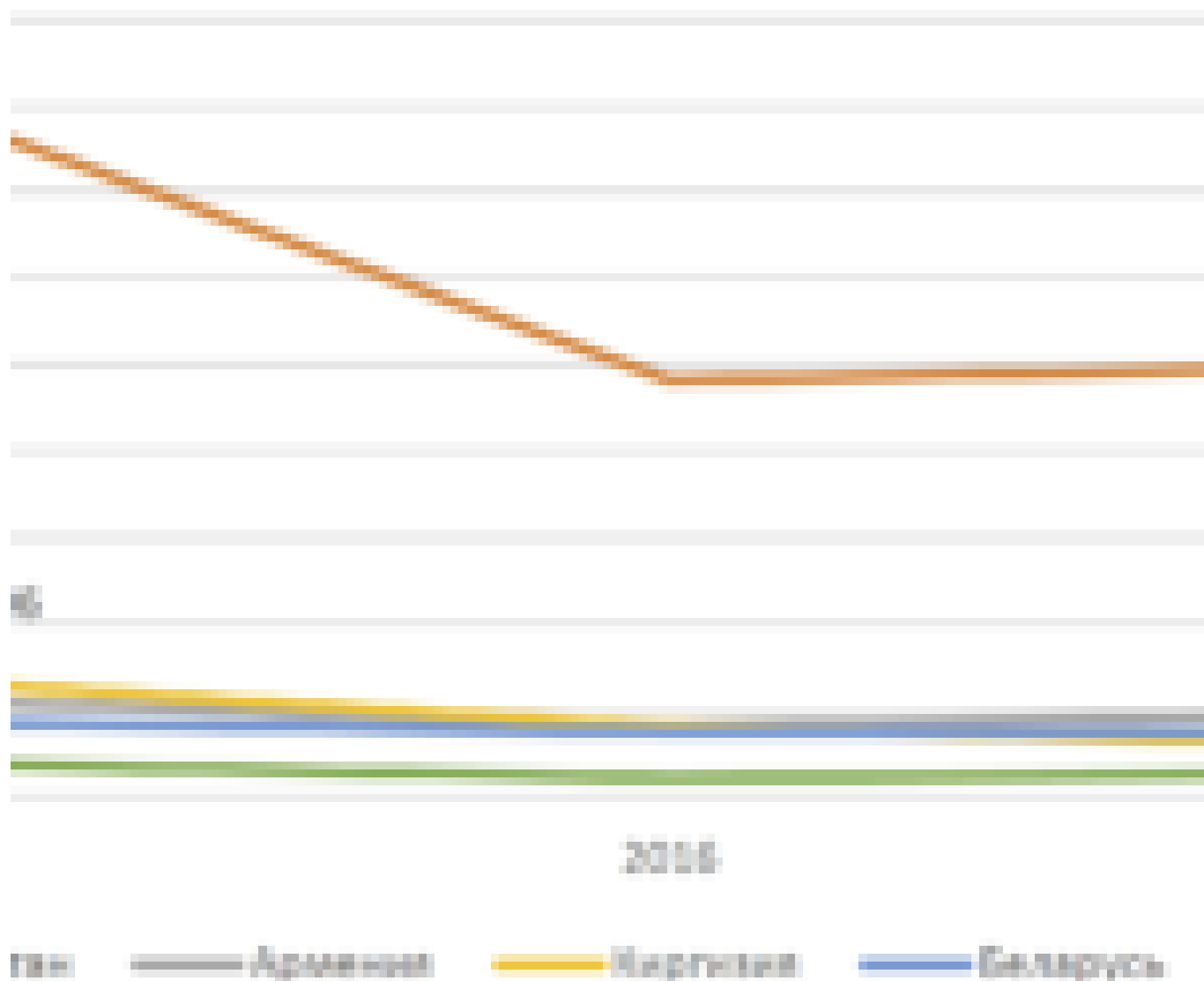
2

Временно стратегические ориентиры были потеряны, участники процесса демотивированы. Но механизмы ЕАЭС продолжают работать, условия ведения бизнеса на пространстве ЕАЭС сближаются и подчиняются общим правилам.

3

В обществе не сложилось четкого отношения к евразийской интеграции. Во многом это объясняется сознательными ограничениями: стороны вывели за скобки ее идеологические и политические аспекты. Без идеологического стержня проект лишен «лица». Медиа не чувствуют общественного запроса (казахстанское исключение найдет объяснение в основном тексте).

Динамика упоминаний по странам

4

Бизнес стран ЕАЭС заинтересован включиться в транспортно-логистические проекты Шелкового пути и оказывает давление на свои правительства.

5

Инструментами бизнеса в продвижении своих интересов служат его объединения (формата РСПП) и влиятельные лоббисты, в том числе внутри структур ЕАЭС, имеющие бизнес-прошлое и сохранившие связи в деловом мире.

6

Властные элиты и часть бизнеса, опасаясь глобальной конкуренции, заинтересованы в ограждении общего рынка ради собственного «выживания».

7

Но замыкание в периметре ЕАЭС экономически бесперспективно, и более того – нереально. «Новая глобализация по-китайски», публичным манифестом которой стала инициатива Си Цзиньпина «Один пояс – один путь», неизбежно пересечет пространство ЕАЭС, принося новые смыслы и капиталы.

8

Импульсом для нового развития евразийской интеграции стал проект цифровой трансформации экономики стран ЕАЭС. Граничные параметры – создание собственной цифровой платформы и ускоренная реализация, опережающая по графику основной вал проектов Шелкового пути.

9

Одновременно явочным порядком формируется новая широтная стратегия, которая отвечает возникающим реалиям – появлению экономического пояса от Китая до Европы. Суть ее в опоре на партнерство и с Китаем, и со странами ЕАЭС, и с Евросоюзом.

10

Широтная стратегия устраивает все страны ЕАЭС и развивается, следуя ходу вещей. Выстраивание собственных отношений с Востоком и Западом не нарушает никаких действующих норм ЕАЭС. А значит, никаких формальных поводов для распада ЕАЭС нет.

11

При этом использование статуса ЕАЭС как коллективного международного субъекта выгодно в переговорах с сильными партнерами. За ЕАЭС стоит впечатляющий континентальный «массив»: 1 место по территории, 8 место по населению, ВВП

входит в мировой топ-10 (по официальным данным, 5 место в 2015 году).

12

Сохраняется протекционистское значение ЕАЭС. Крупный бизнес может рассчитывать на эффект масштаба, связанный с расширением рынка и спроса. Средний и мелкий бизнес заинтересованы также в свободном развитии приграничной торговли, устранении барьеров на рынке труда.

13

Это означает, что структурно ЕАЭС, скорее всего, сохранится. Межгосударственные структуры необходимы для регулирования общего рынка, а статус международного субъекта, объединяющего пять стран в центре Евразии под одной «маской», полезен в глобальном диалоге.

14

Но единое лицо под «маской» едва ли не возникнет. Скорее, союз будет принимать все более инструментальный характер. Долгосрочное стратегирование ЕАЭС не стоит в повестке. Глобальная ситуация не отличается определенностью, жесткие связи лишат конструкцию ситуативной гибкости и нежелательны для страновых элит, дорожащих своей субъектностью.

15

Если конфигурация интересов членов «пятерки» по ходу событий сложится так, что издержки на поддержание механизмов ЕАЭС превысят его полезные эффекты, проект может быть свернут. Другой сценарий возможен в случае резкого повышения уровня общих рисков.

Мировой перекресток: два вектора интеграции.

Евразийский экономический союз — только один из двух крупных интеграционных процессов, охватывающих территорию постсоветского пространства. Интеграционные процессы накладываются друг на друга, но имеют совершенно разное значение для территории и ее связности, для экономики стран ЕАЭС и судьбы правящих элит.

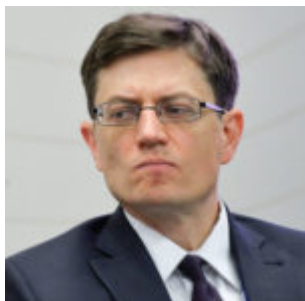
На интеграцию в направлении «Север — Юг» (имея ввиду активную роль России) накладывается интеграция по линии «Восток — Запад» (имея ввиду активную роль Китая). Первый вектор результируется в структурах ЕАЭС. Второй — как Новый Шелковый путь (текущее название «Один пояс — один путь»). Вопрос в том, насколько совместимы эти «перпендикулярные» процессы, и если да, то с каким исходом.

«Один пояс — один путь» («Шелковый путь») — это развитие современной правовой, финансовой, транспортно-логистической и цифровой инфраструктуры вдоль транспортных коридоров. Как считается, транзитным странам участие в проекте открывает перспективы развития новейших технологий, включения в «новую глобализацию», выгоды транзитного положения между Азиатско-тихоокеанским регионом и Европейским союзом.

Инфраструктурный проект Китая повышает связность территории в широтном направлении. Но это еще не значит, что тем самым укрепляются связи стран ЕАЭС, проект скорее демотивирует эти связи. Однако, с точки зрения политических элит стран ЕАЭС, у китайского проекта есть один минус — высокие риски экономического поглощения и политической трансформации. Став реальной угрозой, такого рода минус способен перечеркнуть все плюсы. Таким образом, косвенным образом Шелковый путь может сработать и на укрепление ЕАЭС, побуждая элиты подумать о подушке безопасности.

Согласно экспертному мнению, время для решающих оценок достигнутых результатов ЕАЭС пока не настало.

Лисоволик Ярослав, главный экономист Евразийского банка развития:

«Сейчас китайский проект находится в подготовительном периоде. Реально это не проект, а инициатива. Предстоит огромная работа по выработке конкретных договоренностей. Причем готовятся к ним все стороны. Пока конкретики еще очень мало, мы не видим выдающихся эффектов от работы механизмов ЕАЭС. Но на практике складываются общие правила игры и сущностным образом меняют условия взаимной торговли и взаимных инвестиций, на рынке труда, в поле юрисдикций, которые компании теперь могут свободно выбирать и менять в границах ЕАЭС. Когда дойдет до конкретных договоренностей по проектам Шелкового пути, накопленный внутри ЕАЭС ресурс может заиграть с неожиданной силой»

Общий рынок ЕАЭС объединяет «развивающиеся» страны (щадящая замена слова «отстающие»). Защищая периметр общего рынка от внешних конкурентов, страны ЕАЭС создают благоприятные возможности для внутренней конкуренции. Но этим же они консервирует экономические модели, мощности и продукты, не конкурентоспособные на мировом уровне. Экономически ЕАЭС – своего рода евразийский «ржавый пояс». Но политически – инструмент выживания элит, опирающихся на национальную экономику («другой-то нет», по замечанию эксперта).

Збигнев Бжезинский – вероятно, единственный из (все еще) влиятельных международных экспертов, который опубликовал свои размышления над этой ситуацией, отведя в итоге Евразийскому экономическому союзу не более 10-20 лет. По его мнению, ЕАЭС прекратит свое существование, потому что его покинет Россия.

[Евразийский союз] «станет ненужным при прогрессе в нормализации отношений России с западной частью Европы и

признанием Россией того факта, что она в конечном счете является европейским, а не евразийским государством».

Позиция России: мы пойдем обоими путями

Позиция России состоит в том, чтобы получить выгоды от обоих проектов. Инструмент для решения этой задачи – цифровизация. Решение состоит в том, что единая цифровизация экономик ЕАЭС ослабит риски, связанные с мощным экономическим воздействием Шелкового пути.

Цифровая трансформация экономики и госуправления позволит государствам Евразийского экономического союза получить двойной эффект – и от владения собственной платформой цифровизации, и от участия в инвестиционных мега-проектах.

Позиция России прочитывается в обращении президента РФ к главам государств ЕАЭС. С 1 января 2018 председательство в руководящих органах ЕАЭС перешло к России. Объясняя приоритеты России в ЕАЭС, президент сблизил два проекта:

- обустройство транспортных коридоров Шелкового пути,
- цифровизацию экономики на пространстве ЕАЭС.

Возможность *«осуществлять крупные проекты по модернизации транспортной инфраструктуры, выстраиванию эффективных логистических цепочек, повышению транзитного потенциала Союза»* – один из драйверов дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС. Новый импульс даст включение в интенсивный инвестиционный процесс по направлениям маршрутов Шелкового пути.

Российский бизнес ясно выразил свою заинтересованность в Шелковом пути: он не хочет лишиться доступа к участию в крупных инвестиционных проектах. Исполнительный вице-президент РСПП **Александр Мурычев** на экономическом форуме в Бишкеке выразил заинтересованность бизнеса, растущую вместе с

инвестиционным потенциалом КНР:

«Видно, как Китай наращивает свои возможности по инвестированию в этот проект. Мы это чувствуем и хотим сотрудничать с проектом «Экономический пояс Шелкового пути».

Но страны ЕАЭС должны застраховать себя от чрезмерного влияния КНР. Цифровизация на собственной платформе ослабит риски «цифрового поглощения» экономик ЕАЭС. События разворачиваются в быстром темпе. Отсюда **меседж российского руководства** при переходе председательства к России:

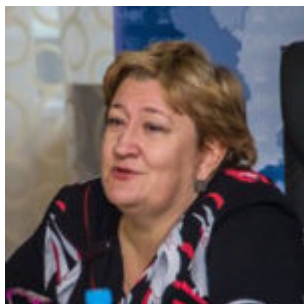
«Считаем необходимым ускорить реализацию общей «цифровой повестки» Союза».

Справка. Китай опирается на собственную цифровую платформу, в том числе для экспансии на российский рынок. Alibaba group, созданная в 1999 году, имеет капитализацию свыше \$300 млрд США, состоит из 14 цифровых платформ, включающих торговые (ориентированные на внешний и внутренний рынок), финансовые, логистические, таможенные и прочие. Alibaba способствует экономическому росту Китая и одновременно является инструментом продвижения его экономических интересов на мировой арене, в том числе на постсоветском пространстве. ЕАЭС планирует заключить Торговое соглашение с Китаем уже в 2018 году.

Таким образом, цифровизация выполняет две функции: выводит экономику на новый уровень эффективности — и защищает от подконтрольности третьей стороне. Решение задачи обеспечит ЕАЭС субъектный статус в цифровом мире: «кто владеет цифровой платформой, тот владеет миром». А интеграция в проекты Шелкового пути даст доступ к современным технологиям и финансированию. В таком разрезе транспортно-логический «Шелковый путь» и интеграция ЕАЭС — взаимодополняющие проекты.

Баланс между движущими силами и сдерживающими моментами пока складывается в пользу продвижения вперед.

**Кузьмина Елена Михайловна, кандидат политических наук
заведующая сектором Беларуси, Молдовы и Украины, сотрудник
подразделения Центр постсоветских исследований ИМЭМО:**

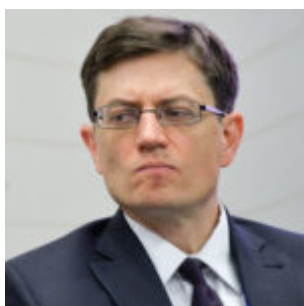
«Базовое соглашение по цифровизации между нашими странами [в формате ЕАЭС] уже подписано. Первостепенные сферы мы видим в торговле и логистике. Сдерживающие факторы лежат в том, что уровень цифровизации у всех разный, кто-то сильнее, кто-то слабее. Для выравнивания нужны достаточные средства и, естественно, речь идет о финансировании всех этих проектов. Предполагалось, что эти вещи будут решаться через Европейский банк развития, но возможно использование фондов ЕАЭС. Все заинтересованы в транспортных перевозках и упрощении таможенной документации, вообще документооборота, поскольку все это повышает скорость движения товаров и качество сервиса. И это всё уже делается»

Условием успеха является выполнение серии условий:

- цифровизация разворачивается с опережением,
- потенциалы стран ЕАЭС складываются,
- все участники действуют согласовано,
- орган согласований обладает достаточными полномочиями.

Ключевое значение имеет эффективность управления проектом.

**Ярослав Лисоволик, главный экономист Евразийского банка
развития:**

По мнению эксперта, основные трудности «цифровизации» ЕАЭС связаны с разрывами в деловых практиках. «Технические трудности, если они возникнут, преодолимы, цифровые платформы в мире уже построены, а такие компании как «Касперский» прекрасно могут выстроить системы защиты данных. Проблема в другом. Не все члены ЕАЭС прямо сейчас готовы перейти к такому уровню раскрытия информации, которого

достигла Россия в лице своих компаний и государственных институтов. Цифровизация – это не только технические системы. Это все-таки прежде всего контент. Чем он богаче и точнее, тем эффективнее система»

Выстраивание структуры управления критически важным международным проектом цифровизации – удобный повод для пересмотра принципов работы и влияния внутри ЕАЭС. (В более выгодном положении находятся Россия, Беларусь и Армения. У всех трех стран есть качественные человеческие ресурсы в сфере ИТ). Вопрос в том, насколько это нужно России, чья стратегия внутри ЕАЭС заметно мифологизирована.

Два ядра ЕАЭС

Россия воспринимается как ядро процесса интеграции. России приписывают использование формата ЕАЭС для восстановления контроля над постсоветским пространством. Экономические выгоды России видят в расширении рынка до общих границ ЕАЭС, практически понимая общий рынок как внутренний.

Справка. На 2017 год территория ЕАЭС – 20,28 млн км². Население – 183,6 млн чел. Объем взаимной торговли за 2017 год – больше \$44 млрд. Цель – общий рынок товаров, услуг, капитала, рабочей силы.

Рациональная цель России – выйти за свои южные границы на оперативный простор, располагая серьезным инструментом влияния. ЕАЭС – признанный международный субъект, не обремененный международными конфликтами и санкциями. Территорию ЕАЭС при любых сценариях пересекут основные магистрали Шелкового пути. Это позволяет России вступить в игру, влияя на решения по китайскому мегапроекту.

Именно ЕАЭС стал субъектом переговорного процесса с Китаем. В частности, Торговое соглашение, которое стороны рассчитывают

подписать в 2018 году, будет заключено с КНР от лица ЕАЭС. Это не исключает двусторонних форматов, у стран ЕАЭС остаются возможности для профилирования договоренностей под себя. Но совпадающие, однозначно согласованные интересы надежнее отстаивать «пакетом», делегировав эту функцию одному субъекту. Для этого России не нужен «контрольный пакет» внутри ЕАЭС. Стремиться к монополизации влияния России ни к чему, полнота ответственности ей не по силам.

Второе ядро ЕАЭС формирует Казахстан. В Казахстане медийная активность вокруг тематики ЕАЭС – несопоставимо выше, чем в России и других странах интеграции.

Парадокс в том, что риски для Казахстана повышаются в случае любого изменения статус-кво: и в случае распада, и в случае усиления ЕАЭС. Казахстан противопоставляет влиянию Китая многосторонний формат ЕАЭС. Но усиление ЕАЭС тоже опасно, теперь уже втягиванием в орбиту России. Казахстанские элиты последовательно сопротивляются политической интеграции ЕАЭС. Вокруг Казахстана фактически сформировалось «второе ядро» ЕАЭС. В вопросах сохранения национального суверенитета к Казахстану примыкает Беларусь.

Тем временем Казахстан активно развивает торговые связи с ЕС.

В общении с европейскими партнерами Казахстан все меньше готов мириться с преувеличением лидирующей роли России в ЕАЭС. Тем более что в условиях санкций авторитет России – это скорее отрицательная величина.

Справка. Показателен эпизод с переговорами вокруг поставок польских яблок в Казахстан (описан «Форбс» в августе 2016 года). На переговорах в Варшаве выяснилось, что проблемный транспортный вопрос упирается в то, что маршрут проходит через Россию, которая неоднократно останавливала транзит польских яблок в Казахстан. Казахстанская сторона пришла к выводу, что есть только два способа решить проблему. Если бесперебойно доставлять товары через Россию не получается, то нужно либо договориться о регулировании транзита, оставив «за скобками» претензии между Россией и Польшей, либо использовать путь в обход России (кратчайший – транзит через Каспий, Азербайджан, Грузию и Черное море), по одной из задуманных линий Шелкового пути.

Таким образом, концепция «Шелкового пути», даже в идее достаточно инструментальна для партнеров по ЕАЭС, чтобы оспорить первенство и вообще незаменимость России. Можно ожидать, что в дальнейшем воздействие этого фактора усилится. ЕАЭС без России, но с Турцией, Ираном, Израилем и Китаем – одна из возможных, хотя и маловероятных перспектив.

*«Речь идет о том, чтобы постепенно наводить мосты между ЕАЭС и ЕС, приучая Европу к мысли, что **ЕАЭС – это не синоним России**, а объединение целых пяти суверенных стран, с которым хочешь – не хочешь, следует выстраивать экономические отношения».*

Политическое сближение, которое планировалось через снятие торговых барьеров, приостановилось из-за боязни российского доминирования.

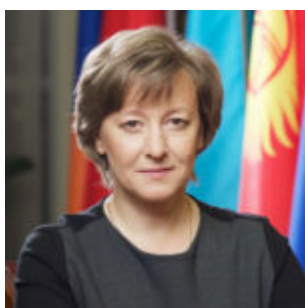
Другая причина торможения – неготовность стран ЕАЭС отказаться от защиты национальных экономик. Третья причина в том, что

трения возникают и попарно между государствами ЕАЭС, например, между Казахстаном и Киргизией (Казахстан поддержал оппозиционного кандидата на выборах главы Киргизии). Впрочем, эксперты, знающие медийную ситуацию вокруг ЕАЭС, советуют *«не обращать внимание на медийную пену»*. Негативные выбросы в медиа – *«обычное средство давления сторон на ход переговоров»*, так что *«публике начинает казаться, что всё вот-вот рухнет, а работа движется и дает результаты»*.

Новая широтная стратегия

Выход из тупика – оформление новой широтной стратегия, характерная и для отдельных стран ЕАЭС, и для ЕАЭС как объединения. Суть в том, чтобы, находясь посередине, опираться на оба фланга. Три центра силы, КНР, ЕАЭС, ЕС, лежащие на Шелковом пути, одинаково принадлежат его экономическому кластеру, вытянутому между востоком и западом, где посередине все-таки Евразийский союз.

Член коллегии (министр) по торговле Евразийской экономической комиссии Вероника Никишина:

«Понятно, что строительство большой Евразии касается не только интеграции ЕАЭС со странами на Востоке. Евросоюз абсолютно объективно – по экономическим причинам – тоже должен быть участником этого процесса, а у нас получается серьезный перекося на восток. Мы видим, какой интерес проявляет к нам европейский бизнес. Ведь при открытии преференций для входа на наш рынок те, кто войдут первыми, завоюют его гораздо быстрее, чем остальные, и потеснить их будет сложно. По нашим оценкам, европейский бизнес сильно обеспокоен этим».

Неслучайна высокая частность ссылок на интересы бизнесы и дефицит времени. Видимо, **координация бизнес-интересов в условиях жесткого графика – это и есть целевая функция и**

одновременно рабочая атмосфера ЕАЭС.

Широтная стратегия по отдельности устраивает все страны ЕАЭС. Выстраивание ими собственных отношений с Востоком и Западом не нарушает никаких действующих норм ЕАЭС. А значит, никаких формальных поводов для распада ЕАЭС нет.

Зато использование статуса ЕАЭС как коллективного международного субъекта – выгодно в переговорах с более сильными противниками (1 место по территории, 5 место по ВВП, 8 место по населению – официальные данные, как раз и призванные сформировать впечатляющий облик).

В ЕАЭС заинтересован значительный сегмент бизнеса – как крупного, так среднего и мелкого. Сохраняется протекционистское значение ЕАЭС. Средний и мелкий бизнес, заинтересованный в свободном развитии приграничной торговли, тоже будет отстаивать ЕАЭС в лице своих объединений.

Это означает, что структурно ЕАЭС, скорее всего, сохранится, регулируя общий рынок и выполняя роль «маски величия» в глобальном диалоге. Но единое лицо под маской так и не возникнет. Союз будет принимать все более инструментальный характер.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Позиции стран ЕАЭС в отношении проекта «Один пояс – один путь»

Справка. Проекту «Один пояс – один путь» (ранее «Экономический пояс Шелкового пути» и т.д.) осенью 2018 года исполнится 5 лет. Проект тесно ассоциирован с именем Си Цзиньпина, который презентовал его в 2013 году. Транспортные инфраструктурные сети должны связать десятки стран Азии, Европы и Африки. Китай опирается на крупные госкорпорации. В 2017 году, по официальной информации, в странах-участницах проекта около 50 крупных государственных предприятий КНР были

задействованы в 1600 проектах. Россия не является страной-участницей проекта. Формат сотрудничества изобретательно назван «сопряжением» (не является официальным термином), субъектами выступают не РФ и КНР, а ЕАЭС и КНР. Комиссию по сопряжению ЕАЭС и ЭШП [ОПОП] возглавляют первый вице-премьер Правительства Игорь Шувалов и первый вице-премьер Госсовета Чжан Гаоли.

На карте представлен сценарий, наиболее устраивающий Россию. В реальности из множества возможных сценариев Китай выберет наиболее устраивающий его самого.

Позиция России

Количественные методы несовершенны, но общий контур для сравнения дают.

Объем публикаций о цифровизации можно назвать «флуктуирующим»: едва отличным от нуля. О Шелковом пути в России и в 2015 году назад писали немного, а в 2017 году стали писать еще меньше.

Динамика упоминания ключевых слов			
	2015	2016	2017
Цифровая трансформация	0	2	1

Китай и Шелковый путь	18	16	11
-----------------------	----	----	----

Содержательная позиция РФ была передана в основной части, но источник «Известий» в МИДе передал ее эмоционально и убедительно.

- Можно назвать Шелковый путь экспансией или интеграцией, но он – объективная реальность. С ней необходимо работать, адаптируясь к открывающимся возможностям

«Китайский проект – это не экспансия, как ее понимали раньше, а объективная реальность, так как интеграционный процесс неизбежен и нам надо приспособливаться, а не в стороне стоять. России это поможет выйти на качественное развитие, а не просто развиваться экстенсивно», – прокомментировал участие Москвы в проекте «Один пояс – один путь» источник «Известий».

Позиция Казахстана

Динамика упоминания ключевых слов				
	2015	2016	2017	
Цифровая трансформация	2	20	54	
Китай и Шелковый путь	465	382	252	

К проекту цифровой трансформации экономики медийный интерес за 3 года вырос в 25 раз (правда, с очень низкой базы). А внимание СМИ к тематике Шелкового пути за то же время упало вдвое.

- Отношение Казахстану к китайскому проекту Шелкового пути обусловлено значительными вложениями Китая в казахстанскую инфраструктуру.

Продвигая свой проект, КНР обустривает Казахстан. Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Андрей Островский считает, что в силу географического положения максимум китайских инвестиций приходится на Казахстан.

«Не случайно Китай выделил более 20 миллиардов долларов на

развитие инфраструктуры Казахстана – там запущен проект «Светлый путь». Он самостоятельный, но, естественно, будет связан с «Новым Шелковым путем». Тем более что развиваются порты на Каспийском море, автомобильные и железные дороги, погранпереходы, и это будет способствовать развитию экономики страны».

- Казахстаном движут в отношениях с КНР чисто прагматические цели.

Например, Казахстан преследовал цели «выживания», объединив «Нурлы жол» (свой железнодорожный проект) и «Шелковый путь». Китайские деньги помогли в условиях финансового кризиса.

«Казахстан рассчитывал получить доступ к китайским инвестициям, тем более, Поднебесная недавно заявила, что в рамках проекта готова потратить просто колоссальные деньги именно на страны Центральной Азии».

- Вместе с тем политическая элита декларирует, что есть жесткая граница уступчивости: национальные экономические интересы.

Для Казахстана вопрос состоит в том, насколько он в работе с китайскими инвесторами может отстаивать свои интересы? Последние умеют добиваться своего, так что «человеческий фактор», способный неверно соотнести сиюминутные и стратегические интересы, становится фактором риска.

«КНР во главу угла ставит свои интересы и, если инвестирует, выдает кредиты, делает это на жестких условиях. Здесь Казахстану очень важно не попасть в некую инвестиционную кабалу. Четко указать: да, Казахстан готов поддержать определенные направления, но только если это согласуется с нашими национальными экономическими интересами».

Позиция Беларуси

Динамика упоминания ключевых слов			
	2015	2016	2017
Цифровая трансформация	2	5	30
Китай и Шелковый путь	33	35	14

В 15 раз вырос интерес ведущих медиа к оцифровке экономики, а интерес к Шелковому пути за те же 3 года снизился в 2 раза. Это близко повторяет казахстанскую картину. Параллели между двумя странами еще будут показаны ниже.

Позицию Беларуси в марте 2016 Александр Лукашенко изложил в интервью Центральному телевидению КНР. Акцент был сделан на участии Беларуси в концепции экономического пояса Шелкового пути. Дело в том, что

- геоэкономическая роль и политическая позиция Беларуси полностью определена ее планами идеально вписаться в маршрут Шелкового пути.

Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень» заложен как звено будущего транзита. Президент РБ предъявляет резидентам высокие требования.

«Мы ожидаем самых серьезных инвестиций в этот проект на территории Беларуси. Наше с Си Цзиньпином жесткое требование – здесь должны быть созданы предприятия, выпускающие продукцию нового поколения».

Аргументация в пользу технологического взлета Беларуси опирается на три ключевых положения:

- Республика Беларусь – это центр Европы,
- ЕС – высокотехнологичный союз, для сбыта на его рынках имеет смысл выпускать только новейшую продукцию,
- Беларусь как никакая другая страна готова и подходит для этого, являясь перекрестком железных, автомобильных

дорог и воздушного транспорта.

«Кроме того, – заметил Александр Лукашенко, – новые возможности открываются с созданием Евразийского экономического союза, активным участником которого является Беларусь».

- Беларусь выдвигает на первый план принцип прагматизма.

Точно так же провозглашал прагматизм Казахстан, маневрируя между более сильными игроками. Александр Лукашенко выразил отказ от неделовых предпочтений в словах:

«При создании промышленного кластера важно было не допустить создания неких разделительных барьеров. Наш проект открыт для всех и не направлен против кого бы то ни было».

Справка. Китай умеет создавать объединения поверх разделительных линий. Так, Беларусь вошла в инициированный Китаем формат «16+1», объединяющий страны Центральной и Восточной Европы (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония).

Участникам саммита 16+1 на уровне глав правительств была изложена позиция по месту Беларуси в разделении труда.

- Беларусь предлагает себя в качестве «интегрирующего звена» в трансконтинентальной торговле.

Страна рассчитывает стать не только торгово-логистической, но и производственно-технологической площадкой на Шелковом пути.

«Географическое положение позволяет Беларуси стать интегрирующим звеном в торговле между государствами ЕС и ЕАЭС, странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы», – отметил премьер-министр РБ Андрей Кобяков.

Позиция Армении

Армению эксперты считают недооцененной страной, одной из тех, с чьей помощью можно разогнать инвестиционный драйвер в ЕАЭС. Ее достоинства – географическое положение и интеллектуальный потенциал в ИТ. Возможно, причина «недооцененности» в том, что Армения невелика (3 млн чел).

Динамика упоминания ключевых слов			
	2015	2016	2017
Цифровая трансформация	1	4	17
Китай и Шелковый путь	42	37	21

Медийная картина в Армении воспроизводит разнонаправленные движения, которые уже были видны на примере Казахстана и Беларуси. Резкий взлет с низкой базы тематики «цифровизации», и двукратное падение интереса к Шелковому пути.

Медийный парадокс. Цифровизация – «след» процессов ЕАЭС в медийном поле. Рост внимания в недавно возникшей теме закономерен. Тем более что успех или неуспех будут иметь серьезные последствия. Но Шелковый путь – «след» Китая. Казалось бы, если остается меньше следов, значит, в это место реже ходят. Между тем армянские эксперты свидетельствуют о росте участия Китая в экономике Армении (как и в экономике Беларуси и Казахстана). Трижды повторенная модель: угасание интереса к Шелковому пути, встречное нарастание интереса к цифровизации, не находит убедительного объяснения, а предположение об общей дирижирующей руке экзотично.

Для Армении подключение к проектам Шелкового пути – возможности выйти из транспортной блокады, вызванной конфликтными отношениями с Азербайджаном. Из крупных инфраструктурных проектов Армения рассчитывает на

- дорожный коридор «Север-Юг», который сделает Армению самым коротким транзитным путем, связывающим порты Персидского залива с портами на Черном море.

Один из премьер-министров Армении Овик Абрамян видит страну

- в хороших отношениях и с ЕАЭС, и с Китаем.

По мнению ряда экспертов, «дыхание Китая» и здесь сказывается в отказе от идеологем ради прагматизма.

«Из ключевых пунктов повестки я хотел бы выделить тему Китая. Взаимодействие между странами ЕАЭС и Китаем позволит не только увеличить охват торговли, но и привлечь инвестиции на крупные инфраструктурные проекты, расширить наши логистические возможности».

Позиция Киргизии

Динамика упоминания ключевых слов			
	2015	2016	2017
Цифровая трансформация	0	3	5
Китай и Шелковый путь	53	32	14

Медийная траектория аналогична случаям Беларуси, Казахстана и Армении. Разница только в том, что подъем темы цифровой трансформации начинается с 0, а падение внимания к теме Шелкового пути – троекратное. Итак, единственное государство ЕАЭС, «выпадающее» из общей схемы развития двух тем – это Россия. Но Россию отличает крайне вялый медийный интерес к обеим.

В 2017 году Киргизия была озабочена стагнацией своего экспорта в Китай. Стране важно реализовать неиспользованный экспортный потенциал сельхозпродукций. На этом фоне жесты киргизских политиков в адрес КНР воспроизводят уже знакомую модель: подчеркивается, что

- Кыргызстан – член Евразийского экономического союза, и он же всецело поддерживает идею сопряжения ЕАЭС с Экономическим поясом Шелкового пути.

«Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский

экономический союз не противоречат друг другу и не конкурируют между собой, не являются взаимными альтернативами, а наоборот вполне сочетаются и даже дополняют друг друга. Таким образом, мы открыты к сотрудничеству, диалогу и плодотворному взаимодействию с китайской стороной в решении тех задач, которые стоят сегодня перед нами».